2

Ген. А. И. ДЕНИКИНЪ

Международное положеніе, Россія и эмиграція

ПАРИЖЪ

1934

Дар Б. Н. Вейнарского

Международное положеніе, Россія и эмиграція

I.

Давно уже міръ не испытывалъ такого напряженнаго состоянія, такой полосы политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ кризисовъ, такихъ острыхъ противорѣчій въ области международныхъ отношеній. Причины и поводы великой войны меркнутъ въ свѣтѣ и дымѣ новыхъ очаговъ разгорающагося пожара.

Главными факторами, опредѣляющими современныя отношенія, являются послѣдствія версальскаго и параллельныхъ ему договоровъ, съ одной стороны, и бытіе совѣтской власти — съ другой. Европа какъ бы раздѣлилась на двѣ категоріи. Всѣ, раздѣлавшіеся съ соперниками, удовлетворенные территоріально, возсоединенные, освобожденные — въ одной; всѣ недовольные, малоприобрѣтшіе, потерявшіе, урѣзанные въ территоріи и въ правахъ — въ другой.

Двѣ категоріи, но далеко еще не два стана. Ибо грани неожиданно встаютъ, стираются и перекрещиваются — въ непримиримыхъ противорѣчіяхъ, перемѣшивая карты и путая игру. Характерными примѣрами такихъ противорѣчій является рокировка Австріи, угрожаемой аншлуссомъ, новая фаза болгаро - сербскихъ отношеній, роль совѣтовъ и Италіи.

Коснемся въ самыхъ общихъ чертахъ этой игры и партнеровъ.

Самой миролюбивой страной на свѣтѣ, по заявленіямъ ея правителей, является совѣтская Россія... Совѣты, надрываясь, кричатъ о мирѣ, заключаютъ пакты направо и налѣво, предлагаютъ свою защиту балтійскимъ новообразованіямъ; то льютъ пушки для нѣмецкаго реванша, то поддерживаютъ нерушимость версальскаго трактата; одной рукой подписываютъ договоръ съ Германіей, другой — съ Франціей. И послѣ разгрома германскихъ коммунистовъ, изливъ и устно и печатно всю свою злобу противъ гитлеровскаго правительства, смиренно возвращаются къ Рапалло, выражая на страницахъ казенной печати большое удовлетвореніе достигнутымъ соглашеніемъ и лицемѣрно заявляя: «дружественныя отношенія Германіи вызываютъ и дружественный отвѣтъ».

Польша, поставленная между молотомъ и наковальней, едва ли не съ одинаковымъ страхомъ и ненавистью расцѣнивающая сосѣдство съ востока и съ запада, мятется межъ двухъ береговъ. Еще весною прошлаго года въ правящихъ польскихъ кругахъ или усиленные толки о необходимости превентивной войны съ Германіей... «пока не поздно»... Показатель — не реальныхъ возможностей и не дѣйствительныхъ намѣреній, но, во всякомъ случаѣ, настроеній... А осенью, наряду съ укрѣпленіемъ дружескихъ отношеній къ совѣтамъ, Польша неожиданно протягиваетъ руку Германіи — искренно или нѣтъ, другой вопросъ — черезъ непроходимую, казалось, пропасть Данцигскаго коридора и спорныхъ границъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, со страницъ польскихъ газетъ давно уже повѣяло холодомъ въ отношеніи Франціи, и даже офиціозы маршала недвусмысленно даютъ понять, что Польша, хотя и цѣнитъ дружбу съ Франціей, но тяготится стѣснительной опекой своей покровительницы.

Но, укрѣпляя дружбу съ совѣтами, Польша пригрѣваетъ, на всякій случай, такъ называемое, правительство Украин. народной республики, во главѣ съ Левицкимъ, претендующее на россійскую Украину, и черезъ полтора материка протягиваетъ руку Японіи... Какія формальныя узы соединяютъ эти страны — неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, печать обѣихъ находится нынѣ въ полосѣ взаимныхъ восхваленій; идутъ переговоры объ учрежденіи польско - японской торговой палаты и морского транспорта между Гдыней и Іокагамой; японская пресса выражаетъ большое удовлетвореніе тѣмъ, что, будто бы, «польско-германскія отношенія крѣпнутъ», а полномочный министръ Польши въ Токіо Мостицкій заявляетъ торжественно, что «Польша связана съ Японіей узами интеллектуальной и политической дружбы»...

Кстати, не лишне будетъ напомнить о первоначальныхъ связяхъ съ Японіей извѣстныхъ круговъ тогда еще не свободной Польши — во время русско - японской войны. Будущій маршалъ Пилсудскій —

тогда россійскій революціонеръ, — по приглашенію японскаго правительства и за его счетъ съѣздилъ въ Токіо, гдѣ ему предложили организовать «сборъ и доставку свѣдѣній военнаго характера о Россіи»... Пилсудскій согласился, но потребовалъ взамѣнъ за это помощь оружіемъ и боевыми припасами повстанческимъ польскимъ организаціямъ. Японцы, считая, вѣроятно, такое предпріятіе не серьезнымъ, отказали, и дѣло ограничилось выдѣленіемъ россійскихъ плѣнныхъ - поляковъ въ особыя команды, гдѣ они подвергались соотвѣтствующей пропагандѣ...

Времена и положенія рѣзко измѣнились. Но руссофобскія чувства маршала Пилсудскаго, къ сожалѣнію, не претерпѣли измѣненія. Это обстоятельство имѣло въ прошломъ и будетъ еще имѣть большое вліяніе на отношенія между Польшей и національной Россіей.

Германія, такъ же, какъ и совѣты, упорно твердитъ о мирѣ и лихорадочно готовится къ войнѣ. Она вступаетъ въ соглашеніе съ Польшей и одновременно требуетъ возвращенія Данцигскаго коридора и Верхней Силезіи, а при посредствѣ Коновальца подготовляетъ ирредснту въ галицкой Украинѣ. Она поддерживаетъ дружбу съ Италіей и одновременно посягаетъ на Австрію. Германія возобновляетъ договоръ съ совѣтской Россіей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зондируетъ почву на европейской политической биржѣ насчетъ россійской Украины, при посредствѣ Скоропадскаго намѣчая планы ея оккупаціи. Насаждая въ лимитрофахъ тайныя «нѣмецко - балтійскія братства» — филіалы «Велико - нѣмецкаго Балтійскаго союза» — съ цѣлью безболѣзненнаго присоединенія Эстоніи и Латвіи, входитъ въ коллизію съ «дружественной» совѣтской державой, заявившей о своей готовности защищать независимость своихъ прибалтійскихъ сосѣдей. Входитъ въ коллизію и по другому поводу... Укрѣпляя связи съ Токіо, Гитлеръ сдѣлалъ совершенно опредѣленное заявленіе: «національная Германія ни при какихъ обстоятельствахъ не будетъ на сторонѣ тѣхъ, кто мѣшаетъ укрѣпленію національныхъ интересовъ Японіи на Дальнемъ Востокѣ»...

Италія поддерживаетъ гитлеровскую Германію, старается укрѣпить германо - совѣтскія отношенія и заключаетъ соглашеніе съ совѣтами — въ противовѣсъ Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она, солидарно съ Франціей, рѣзко противодѣйствуетъ Германіи въ ея территоріальной экспансіи въ сторону Австріи, не желая мѣнять слабаго сосѣда на сильнаго; противодѣйствуетъ и въ ея экономической экспансіи на Балканы. Внѣшняя политика Италіи направлена явно къ укрѣпленію своего вліянія на Балканахъ, къ частичному пересмотру договоровъ, къ возсозданію нѣкотораго подобія бывшей Австро - Венгріи, съ ослабленіемъ государствъ Малой Антанты. Но на чьей сторонѣ въ случаѣ войны окажется Италія и ея 33 дивизіи — вопросъ столь же неопредѣленный, какъ и въ 1914 году. Небезынтересно, поэтому, привести мнѣніе одного французскаго публициста, высказанное на страницахъ «Эко де Пари»: «Когда вспыхнетъ война между нами и нѣмцами, первое рефлекторное движеніе Муссолини будетъ въ нашу пользу, если шансы покажутся ему равными. Но онъ будетъ противъ насъ, если сочтетъ, что мы обречены на пораженіе».

Франція, вооруженная «до зубовъ», проявляетъ нервность въ отношеніи своей восточной сосѣдки. Теряетъ увѣренность въ активной поддержкѣ Англіи, теряетъ внѣшній экономическій базисъ въ Америкѣ и, въ поискахъ новыхъ союзниковъ, заключаетъ пактъ съ совѣтами, склонивъ къ тому же въ своемъ время Польшу и Малую Антанту. Французское правительство мирится съ польскими сюрпризами и, въ концѣ концовъ, имѣетъ возможность демонстрировать тожество политическихъ взглядовъ только съ Малой Антантой — прочное въ отношеніи Чехословакіи и менѣе безспорное въ отношеніи двухъ другихъ державъ. И въ то время, какъ французская демократія въ распрѣ съ гитлеровской диктатурой помогаетъ кредитами австрійскому фашизму и собирается помочь московскому коммунизму, французское командованіе съ лихорадочной поспѣшностью возводитъ твердыни и на сѣверѣ, и на югѣ, — на Рейнѣ, и въ Альпахъ, — какъ оплотъ для двухъ армій прикрытія...

Англія все болѣе и болѣе отходитъ отъ реальнаго сотрудничества съ континентальной Европой, не оставляя стремленія быть арбитромъ въ ея спорахъ. Она не желаетъ связывать себя обязательствами, чтобы имѣть свободныя руки ко времени европейскихъ бурь. И если правительство повторя-

етъ еще слова о вѣрности Локарно, то въ народной массѣ, въ обществѣ, въ печати растетъ и откровенно высказывается нежеланіе принимать участіе въ войнѣ ни на чьей сторонѣ.

Къ этому предвоенному политическому положенію можно бы добавить еще картину уже не гадательной, а дѣйствительной всеобщей экономической войны, ведущей и къ соціальнымъ катастрофамъ, и къ тому «экономическому удушью», которое, по словамъ французскаго экономиста Люсьена Ромье, «вызывается, съ одной стороны, слѣпымъ экономическимъ націонализмомъ, а съ другой — тѣми невѣроятными торговыми, финансовыми и валютными нелѣпостями, на которыя этотъ націонализмъ толкаетъ правительства всѣхъ странъ». Зачѣмъ только злоупотреблять словомъ «націонализмъ», когда настоящее слово — **эгоизмъ**. Эгоизмъ — пышно цвѣтущій — государственный, классовый и личный.

Въ этомъ пестромъ калейдоскопѣ притяженій и отталкиваній, надеждъ и страховъ, вожделѣній и противорѣчій — переплелись, спутались дипломатическіе ходы, неожиданно появляются и также неожиданно мѣняются политическія ситуаціи.

Въ 1927 году коминтернъ писалъ по поводу полной изоляціи тогда совѣтской Россіи: «всѣ противорѣчія капиталистическихъ государствъ между собою отступаютъ на задній планъ передъ основнымъ водораздѣломъ, раздѣляющимъ весь міръ на два лагеря: въ одномъ СССР и революціонный Китай, въ другомъ — весь капиталистическій міръ». Считая тогда войну неминуемой, коминтернъ взывалъ къ международному пролетаріату о спасеніи.. А сегодня... сегодня совѣтская Россія десяткомъ пактовъ входитъ въ международное общеніе, ставъ объектомъ соперничества, ухаживанія и торга. Къ началу 1933 года міровая печать серьезно поговаривала о возможной изоляціи Франціи; къ серединѣ года начала принимать реальныя формы изоляція Германіи; а къ концу года вновь проявляются признаки ослабленія притягательной силы Франціи...

2.

Что же, будетъ ли война?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что державы «удовлетворенныя», къ которымъ принадлежатъ Англія, Франція, Польша, Чехословакія, Румынія и Югославія — совершенно искренно, можно сказать страстно желаютъ для себя мира, чтобы залѣчить свои раны, укрѣпить свое внутреннее положеніе. Нельзя сказать, чтобы и державы «неудовлетворенныя» хотѣли войны сейчасъ. Не потому, что онѣ исключаютъ столь радикальное средство для достиженія своихъ цѣлей, а вслѣдствіе неготовности однѣхъ, слабости другихъ, устрашающаго опыта прошлаго и, вообще, недостаточно благопріятной конъюнктуры. Но тѣ **націоналныя** задачи, которыя ставятъ себѣ Германія и Японія, и которыя съ величайшей настойчивостью проводятъ тамъ въ массы власть, литература, печать, школа и даже церковь... Но тѣ **интернаціональныя** задачи, которыя преслѣдуетъ совѣтская власть — эти задачи не могутъ быть разрѣшены иначе, какъ вооруженной рукой.

Можно бы привести десятки самыхъ противорѣчивыхъ прогнозовъ извѣстныхъ государственныхъ дѣятелей на тему — будетъ ли война? Отъ увѣреннаго утвержденія въ палатѣ Остена Чемберлэна, до идиллическаго отрицанія президента Массарика:

— Новой войны не будетъ.

Когда полякъ - собесѣдникъ президента спросилъ: — «на чемъ вы основываете свою вѣру?», — тотъ отвѣтилъ:

— На исторіи прогресса.

Трогательна такая вѣра послѣ того, какъ человѣчество со времени исхода изъ Египта и до сего дня, въ теченіе 3582 лѣтъ знало только 232 года мира, а прочіе освѣщались заревомъ войнъ; когда человѣческія гекатомбы послѣдней великой войны превосходятъ тѣ, что сложили Атилла и Тамерланъ; когда практика 20-го вѣка растоптала основы международнаго права и женевской конвенціи; когда въ 31-мъ году, напримѣръ, міръ израсходовалъ на военныя приготовленія, только по главнымъ бюджетнымъ даннымъ, 100 милліардовъ франковъ; когда орудія истребленія человѣчества прогрессируютъ съ необыкновеной быстротой, и будущее сулитъ неслыханныя «достиженія» въ области войны — невѣдомыми лучами, химической, бактеріологической и т. д.

Въ этомъ вопросѣ нѣтъ надобности пророчествовать, нужно только не закрывать глаза на дѣйствительность. Вся совокупность международныхъ отношеній — на-

ціональные антагонизмы, экономическое соревнованіе, разжигаемая ненависть, при безсиліи Лиги Націй и конференціи по разоруженію, обращаютъ въ химеру миръ всего міра и ведутъ прямымъ путемъ къ вооруженному столкновенію.

Когда? — Не стоитъ гадать. Называютъ 1935 годъ на томъ основаніи, что къ этому времени будетъ разрѣшаться плебисцитомъ судьба Саарской области; кончается дѣйствіе мандата Японіи на Тихоокеанскіе острова; уменьшеніе рождаемости въ годы войны скажется весьма существенно на выполненіи призыва во французской арміи; что къ этому времени, какъ полагаютъ, будетъ закончена военная подготовка Германіи и т. д.

Столкновеніе приближаютъ опасная игра въ пакты и рука красной Москвы.

Въ своей недавней рѣчи въ сенатѣ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Поль - Бонкуръ, отмѣчая «счастливое событіе» — подписаніе договора съ совѣтами, сказалъ: «Мы на пути сближенія съ Россіей... Россія организуетъ свою внутреннюю революцію, но одновременно она охраняетъ европейскій миръ. Вспомните статью Радека, который рѣшительно высказался противъ пересмотра мирныхъ договоровъ».

Итакъ, Радекъ сталъ миротворцемъ и арбитромъ въ дѣлѣ установленія европейскаго равновѣсія... Вотъ ужъ подлинно онъ могъ бы сказать:

— Благодарю, не ожидалъ!

Когда французскіе государственные дѣятели увѣряютъ, что пактъ съ совѣтами служитъ дѣлу мира — это величайшее недоразумѣніе. Когда же съ ними въ какой то степени соглашается П. Н. Милюковъ, — это, кромѣ того, и большой соблазнъ — и для соотечественниковъ нашихъ, и, прежде всего, для иностранцевъ. Напрасно въ пылу полемики преуменьшаютъ вѣсъ и вліяніе П. Н. Милюкова. Тѣмъ болѣе необходимымъ является противопоставить этой концепціи иную точку зрѣнія, для меня лично непреложную:

Никогда, ни въ какой комбинаціи, ни въ какомъ союзѣ — участіе совѣтовъ не можетъ почитаться факторомъ мира.

Прежде всего потому, что по природѣ своей большевизмъ есть не миръ, а разрушеніе. И въ данное время, нуждаясь въ передышкѣ, оберегая себя отъ нападенія, большевики съ величайшимъ удовлетвореніемъ встрѣтили бы всякое вооруженное столкновеніе, въ любой точкѣ земного шара — не только въ средѣ своихъ явныхъ враговъ, но и «бумажныхъ» друзей. Ибо всякая война между другими — совѣтское «достиженіе», вода на мельницу коммунизма.

Пріостановка, якобы, работы компинтерна въ странахъ, связанныхъ съ совѣтами пактами, во что повѣрила даже часть эмиграціи — также обманъ. Есть десятокъ международныхъ организацій, всякихъ МОПР - овъ, ВОКС-овъ и др., по внѣшности коммерческихъ, благотворительныхъ или спортивныхъ, которыя связаны съ компинтерномъ организаціонно и матеріально и выполняютъ его задачи разложенія. Не пріоста навливается и другая работа — военнаго шпіонажа въ грандіозныхъ размѣрахъ, составляющая одну изъ прибыльныхъ статей совѣтской торговли, для которой использованы были, между прочимъ, и тайны военнаго и морского могущества Франціи...

Это, вѣдь, только для внѣшняго употребленія большевики склоняютъ по всѣмъ падежамъ слово «миръ». А живутъ, вдохновляются, а, главное, дѣйствуютъ по другой, старой формулѣ, не стѣсняясь повторять ее и теперь въ своей прессѣ, наряду съ миротворческими упражненіями: «Одной изъ формъ одурачиванія рабочаго класса — вѣщалъ Ленинъ — является пацифизмъ и абстрактная проповѣдь мира. При капитализмѣ войны неизбѣжны. Пропаганда мира, не сопровождаемая призывомъ къ революціоннымъ дѣйствіямъ массъ, способна лишь сѣять иллюзіи, развращать пролетаріатъ внушеніемъ довѣрія къ гуманности буржуазіи и дѣлать его игрушкой въ рукахъ тайной дипломатіи»...

Да, силу тайной дипломатіи сами большевики постигли, освоили и примѣнили съ необыкновеннымъ искусствомъ. Есть полное основаніе полагать, что тѣ тайные разговоры, которые ведутся большевиками одновременно въ Парижѣ и въ Берлинѣ, перестраховка путемъ дружественныхъ завѣреній, оправданій, обѣщаній, вся эта муть и провокація - только углубляютъ пропасть между двумя странами, и безъ того трудно проходимую. И если Франція разсчитываетъ привлеченіемъ въ свою орбиту совѣтовъ понудить тѣмъ гитлеровское прави-

тельство къ уступчивости и сговорчивости, то это явная химера. Ибо въ теченіе ряда лѣтъ Германія играла тѣмъ же козыремъ, лучше, чѣмъ кто либо, знаетъ цѣну совѣтскимъ краплепымъ картамъ и, очевидно, не вѣритъ болѣе въ прочность совѣтскаго режима.

3.

Къ такимъ же выводамъ должно насъ привести и обозрѣніе военнаго положенія сторонъ, котораго я коснусь лишь въ общихъ чертахъ и только въ отношеніи главныхъ группировокъ.

Совѣтская Россія выставляетъ въ мирное время 562 тысячи линейныхъ войскъ, сведенныхъ въ 72 пѣхотныхъ и 17 кавалерійскихъ дивизій. Призывъ во второочередныя дивизіи доводитъ указанную цифру до милліона съ лишнимъ *), но слабая подготовка войскъ послѣдней категоріи (8 мѣсяцевъ обученія въ теченіе 5 лѣтъ) сближаетъ ихъ скорѣе съ обученнымъ запасомъ. Для поддержанія этой численности совѣтская власть призываетъ отъ 0,3 до 0,5 проц. своего населенія и производитъ расходъ, ложащійся на каждую душу почти въ 10 рублей, считая только официальный бюджетъ и не принимая во вниманіе огромныхъ, не поддающихся прямому учету суммъ, брошенныхъ на военныя цѣли пятилѣтки.

Западные сосѣди совѣтской Россіи — Финляндія, Эстонія, Латвія, Польша и Румынія, — въ силу общей политической обстановки, прибѣгаютъ къ крайнимъ усиліямъ, чтобы поддержать на должной высотѣ свои вооруженныя силы, и выставляютъ отъ 0,8 до 1,3 проц. своего населенія, т. е. относительно въ полтора, въ два раза интенсивнѣе сов. Россіи.

Путемъ такого напряженія приграничныя страны, съ населеніемъ въ 57 милліоновъ, противъ 166 милліоновъ сов. Россіи, уже въ мирное время выставляютъ арміи, общая численность которыхъ составляетъ 63 пѣх. и 10½ кав. дивизій или около ½ милліона бойцовъ, **) т.е. не многимъ меньше, чѣмъ совѣты. Арміи приграничныхъ странъ, какъ и красная, имѣютъ солидные источники комплектованія не только въ обученномъ запасѣ, но и въ подсобныхъ организаціяхъ. Ихъ устройство и сила вооруженія болѣе или менѣе одинаковы, но воздушныя силы красной арміи превосходятъ значительно соединенныя силы западныхъ сосѣдей.

Обращаясь къ дислокаціи армій, мы видимъ наибольшую заостренность на польско - совѣтской границѣ. Польша, содержащая 30 пѣх. и 7 кав. дивизій, составомъ въ 266 тыс., держитъ главную массу войскъ на своемъ восточномъ фронтѣ, точно такъ же, какъ совѣты — въ Бѣлорусскомъ и Украинскомъ районахъ. Граница не представляетъ обороноспособныхъ рубежей и доступна вторженію, а мобилизаціонные сроки готовности польскихъ войскъ значительно меньше совѣтскихъ.

Вообще, исторія, политика и стратегія, не взирая ни на какіе пакты, согласно указуютъ на обширную равнину между Вислой и Днѣпромъ, какъ на театръ грядущихъ событій...

Какія силы могутъ быть развернуты сторонами на восточномъ европейскомъ фронтѣ при объявленіи войны, это не поддается даже приблизительному учету, такъ какъ зависитъ отъ политическихъ группировокъ самыхъ неожиданныхъ, отъ степени безопасности другихъ фронтовъ, отъ матеріальныхъ возможностей государствъ, отъ углубленія въ нихъ внутреннихъ соціальныхъ и экономическихъ кризисовъ, отъ числа дивизій, необходимыхъ для охраны тыла и внутренняго спокойствія въ странѣ, наконецъ, отъ психологіи народовъ, могущей опрокинуть всѣ мобилизаціонные расчеты... Одно можно сказать съ увѣренностью, что по организаціи кадровъ и наличію людскихъ контингентовъ, втянутыхъ тѣмъ или инымъ способомъ въ военное обученіе, и при равномъ напряженіи, совѣтское правительство, не взирая на огромныя разстоянія, теоретически имѣетъ возможность выставить на западѣ болѣе сильную численно армію, чѣмъ его сосѣди. Имѣя преимущество еще въ единствѣ управленія передъ коалиціоннымъ началомъ. Конечно, необходимость переброски дивизій внутреннихъ округовъ на Дальній Востокъ значительно измѣнила бы это соотношеніе.

Нечего и говорить, что разстроенный транспортъ и разоренный совѣтскими экс-

*) Не считая войскъ ГПУ.

**) Румынія въ прошломъ году не содержала полностью утвержденной закономъ численности постоянной арміи (122 тыс., вмѣсто 240 тыс.). Въ зависимости отъ той или другой цифры, общій составъ армій будетъ 454 тыс. или 572 тыс.

периментами тылъ является большой угрозой для дѣйствующей арміи.

Другое дѣло — духъ народовъ, духъ арміи. Совѣтскіе правители считаютъ своимъ большимъ достиженіемъ то обстоятельство, что къ 1934 году кадровый составъ красной арміи состоитъ изъ 43 проц. рабочихъ и только 47 проц. крестьянъ; что 59 проц. арміи составляютъ коммунисты и комсомольцы. Но... какія волны вольетъ въ нее мобилизація темно, очень темно. Къ тому же мы знаемъ хорошо, что стремленіе къ этому цифровому благополучію достигнуто огромнымъ пониженіемъ интеллектуальнаго уровня командного состава, знаемъ цѣну коммунистическому «энтузіазму» и силу мимикріи, побуждающей чуждые коммунизму элементы прикрываться его вывѣской...

И если вообще далеко неясенъ будущій духовный обликъ «вооруженныхъ народовъ», то красная армія, по своей структурѣ, идеологіи, задачамъ и намѣреніямъ, представляетъ огромный **Вопросительный Знакъ.**

Къ этому вопросу я вернусь еще въ дальнѣйшемъ. Теперь же продолжу общій обзоръ военнаго положенія.

Другой важнѣйшій и возможный театръ грядущихъ событій — долина Рейна. Казалось бы, какую угрозу можетъ представить поверженный противникъ, ограниченный до минимума числомъ, организаціей и вооруженіемъ своихъ войскъ, для перво - классной французской арміи, насчитывающей въ мирное время только въ метрополіи 28 дивизій и 330 тыс бойцовъ и развертывающейся въ военное время, судя по нѣмецкимъ источникамъ, въ 4 милліона; для арміи, оборудованной по послѣднему слову техники, имѣющей первую въ мірѣ авіацію, прекрасный флотъ и, въ добавокъ, имѣющую естественныхъ союзниковъ — Чехословакію, врѣзавшуюся клиномъ въ тѣло Германіи, съ ея 140 тыс. арміей, и Бельгію, съ ея 70 тысячами мирнаго состава.

И, однако, тревожное настроеніе замѣтно чувствуется среди французовъ. Въ прессѣ, въ сообщеніяхъ парламенту и сенату вскрывается истинная картина германскихъ вооруженій, давно уже нарушившихъ запреты версальскаго договора. По этимъ свѣдѣніямъ, рейхсверъ доведенъ, вмѣсто разрѣшенныхъ 100 тыс., до 200 тыс., что вмѣстѣ съ «шутцполиціей» составляетъ уже въ мирное время 360 тыс. Кадры перволинейныхъ дивизій, по крайней мѣрѣ, утроены по сравненію съ семью, разрѣшенными договоромъ. Для развертыванія арміи имѣются обученные контингенты гитлеровскихъ дружинниковъ и многочисленныя организаціи комбатантовъ и молодежи, которые ген. Дебеней исчисляетъ въ 2.300.000. Рейхсверъ обладаетъ оружіемъ и снаряженіемъ всѣхъ запретныхъ родовъ, полученныхъ съ заводовъ сов. Россіи, Голландіи, Швеціи, Даніи и частью построеннымъ на своихъ заводахъ, ибо германская промышленность перестраивается быстрымъ темпомъ для обслуживанія нуждъ возрождающейся арміи. Массовое производство грузовиковъ дѣлаетъ армію исключительно подвижной. Время отъ времени проникаютъ въ печать свѣдѣнія объ изобрѣтеніи нѣмцами новыхъ неслыханныхъ средствъ истребленія, что также вноситъ безпокойство у сосѣдей...

Вся эта подготовка ведется теперь почти открыто. Французское военное министерство обладаетъ, несомнѣнно, исчерпывающими данными о попраніи Германіей всѣхъ военныхъ статей версальскаго договора. И если до времени вопросъ не ставится категорически передъ Лигой Націй, то, очевидно, потому только, что за нимъ должны послѣдовать или санкціи, или... капитуляція.

Сообразно съ различными условіями, въ которыя поставлены обѣ страны и арміи, различны и военныя доктрины ихъ.

Воинственный подъемъ германской націи, психологія реванша или, по крайней мѣрѣ, разрыва версальскихъ путъ, наличіе власти, не стѣсняющейся волеизъявленіемъ представительныхъ учрежденій, наличіе малочисленной, но исключительной по качеству кадровой арміи, состоящей изъ профессіоналовъ 12 - лѣтняго срока службы, пакопецъ, — беззащитность германскихъ границъ — все это приводитъ нѣмцевъ къ убѣжденію о необходимости внезапнаго нападенія — очевидно, **безъ объявленія войны** — налетомъ воздушныхъ силъ и сосредоточеннымъ ударомъ кадровой арміи по неготовымъ и наполовину обученнымъ перволинейнымъ частямъ противника — почему, будетъ сказано дальше — съ цѣлью не допустить планомѣрной мобилизаціи и сосредоточенія его. Ген. фонъ Зектъ, создатель рейхсвера, предусматриваетъ одновре-

менное формированіе и второлинейной арміи милиціоннаго характера — для развитія успѣха или парированія неудачи. Но первый ударъ, для котораго съ величайшимъ рискомъ будутъ брошены драгоцѣнные кадры, по его мнѣнію долженъ быть смертельнымъ для противника и рѣшающимъ исходъ войны.

Во Франціи военная доктрина также не свободна въ своемъ происхожденіи, но по другимъ причинамъ. Надъ ней довлѣютъ пацифическія настроенія общества, печати, правящихъ круговъ. Французская армія, по сравненію съ 14-ымъ годомъ, значительно сокращена; срокъ службы уменьшенъ до одного года, при чемъ ежегодный контингентъ новобранцевъ поступаетъ въ войска въ два періода — одна половина весной, другая осенью; поэтому въ каждый данный моментъ 50 проц. арміи прошло отъ ноля до шестимѣсячнаго курса обученія. Такой срокъ службы при сложности современной техники, сближаетъ армію съ милиціей. Всякое мѣропріятіе, имѣющее характеръ **наступательный**, берется подъ подозрѣніе или ограничивается въ кредитахъ. Забываютъ ту истину, что **наступленіе** въ стратегіи не имѣетъ ничего общаго съ **агрессивностью** въ политикѣ, а представляетъ одинъ изъ лучшихъ способовъ **обороны**.

Подъ вліяніемъ такихъ настроеній защита Франціи построена на слѣдующихъ основаніяхъ. Въ 1930 году отпущены были громадные кредиты, и нынѣ заканчиваются грандіозныя работы по укрѣпленію границъ. Принимаются мѣры къ соотвѣтственной дислокаціи, къ усиленію состава, готовности и техническаго снабженія такъ называемой «арміи прикрытія». Ген. Дебеней, въ роли начальника штаба французской арміи вѣдавшій нѣсколько лѣтъ ея реорганизаціей, считаетъ, что армія прикрытія съ успѣхомъ отразитъ первый натискъ врага, а судьба войны рѣшится не налетомъ, а длительной борьбой «вооруженнаго народа», потребующей полнаго напряженія всѣхъ силъ страны.

Я не собираюсь дѣлать прогнозы. Привелъ эти данныя лишь для уясненія — какимъ образомъ военная иниціатива перешла отъ недавнихъ побѣдителей къ побѣжденнымъ, и насколько серьезны причины для обостренія отношеній и для тревоги.

Въ поискахъ союзниковъ Франція обратила свои взоры и на сов. Россію... Я говорилъ уже, что франко - совѣтскій пактъ не можетъ повліять на сговорчивость и умѣренность Германіи въ дни мира. Еще меньше пользы отъ него въ дни войны. Обезпеченіе тыла союзной Польши въ случаѣ франко - германскаго столкновенія? Да, развѣ, найдется хоть одинъ здравомыслящій полякъ, который, довѣряя польско - совѣтскому пакту, считалъ бы возможнымъ снять съ восточнаго фронта сколько нибудь значительныя силы для переброски ихъ на западный?! Непосредственное участіе въ войнѣ противъ Германіи? Но не предполагается же перевезти моремъ красные полки на поля Франціи... Не имѣя территоріальнаго соприкосновенія съ Германіей, обладая слишкомъ слабымъ флотомъ, сов. Россія должна была бы пересѣчь арміей Латвію, Литву или Польшу. Развѣ мыслимо ожидать согласія этихъ странъ и развѣ насиліе не вызвало бы только **ослабленіе** противо - германской коалиціи и новую войну, которая, въ случаѣ побѣды совѣтовъ, раздвинула бы широко предѣлы и власть коммунизма.

Точно такая же картина получается и съ германо-совѣтской «дружбой»... «Съ военной точки зрѣнія, — писалъ Гитлеръ, — въ случаѣ войны Германіи и ея союзницы — Россіи противъ Западной Европы, а, вѣроятно, и противъ всего свѣта, обстоятельства сложились бы **совершенно катастрофически**. Война развернулась бы не на русской, а на нѣмецкой территоріи». («Майнъ Кампфъ», т. II.).

Что же остается въ активѣ франко - совѣтскаго пакта? Ровно ничего! Ибо совѣтская власть, въ случаѣ европейскихъ столкновеній, или не выступитъ вовсе, подбрасывая лишь **тайно** полѣнца въ костеръ и той, и другой сторонѣ, и пожиная лавры «третьяго смѣющагося». Или выступитъ, не считаясь ни съ какими пактами, на той сторонѣ, гдѣ это окажется выгоднымъ въ интересахъ коммунизма и міровой революціи. И используя при этомъ во-всю чужія смуты, истощеніе, пораженіе. Точно такъ же поступили бы совѣты и безъ пакта. Для совѣтовъ теперь онъ означаетъ укрѣпленіе ихъ политическаго положенія и кредита; для ихъ союзниковъ — успокаивающее средство, толкающее ихъ на дальнѣйшіе шаги гибельнаго сближенія.

4.

Въ предвидѣніи грядущихъ столкновеній, мы должны передъ своей собственной совѣстью отдать себѣ ясный отчетъ въ своемъ къ нимъ отношеніи.

Послѣ всего того, что за истекшія 16 лѣтъ произошло съ Россіей и съ нами, послѣ 16 лѣтъ безучастія міра къ трагической судьбѣ русскаго народа, — мы никому не обязаны. Германскій мораторій, «аллегорическіе платежи» и то осужденіе, съ которымъ государственные люди бывшаго «Согласія» обращаются къ Америкѣ, взыскивающей, по ихъ убѣжденію, «цѣну крови», — въ значительной степени, облегчаютъ тяготу матеріальныхъ обязательствъ. Что касается моральныхъ, — позвольте привести мнѣніе со стороны. Извѣстный писатель и публицистъ Клеманъ Вотель недавно въ газетѣ «Журналъ» приводилъ воображаемый разговоръ между французскимъ сенаторомъ Беранже и нѣмецкимъ министромъ пропаганды Геббельсомъ. Беранже обвиняетъ гитлеровскій режимъ въ жестокости и насиліяхъ. Геббельсъ парируетъ: «и французская революція была не безъ грѣха...». «Это — прошлое», — возражаетъ Беранже. — «Вамъ угодно говорить про настоящее? Извольте!», — отвѣчаетъ Геббельсъ:

— Наша эпоха съ точки зрѣнія, которая насъ занимаетъ, совершенно сходна съ предыдущими. Русская революція сопровождалась безчисленными жертвами. Она имѣетъ тоже своихъ изгнанниковъ, свое преслѣдуемое духовенство, и, такъ какъ гильотина ей казалась устарѣвшей, своихъ мучениковъ, разстрѣливаемыхъ массами.Я не слышалъ, чтобы такъ называемый цивилизованный міръ особенно громко протестовалъ противъ этихъ погромовъ инакомыслящихъ. Какія лиги, дрожащія надъ «правами человѣка», взывали въ Парижѣ и въ другихъ мѣстахъ о бойкотѣ московскихъ террористовъ?.. И теперь они обмѣниваются визитами съ вашими официальными представителями»...

Такія мысли, для насъ банальныя, но показательныя въ устахъ добраго француза, Клеманъ Вотель заканчиваетъ фразой: «Человѣкъ человѣку — волкъ. Нынѣ, не взирая на внѣшній лоскъ цивилизаціи, эта горькая истина имѣетъ больше еще основаній, чѣмъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, когда была впервые высказана».

Взгляды на «обязанности» русской эмиграціи бываютъ иногда изумительные. Вспомнимъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Польшѣ сдѣлана была попытка, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и воздѣйствія извнѣ оставленная, — привлеченія къ отбыванію воинской повинности «безподданныхъ эмигрантовъ», т. е., главнымъ образомъ, русскихъ. Неосторожно и преждевременно вскрыты были карты, но идея эта не похоронена. Есть серьезныя основанія полагать, что въ портфеляхъ нѣкоторыхъ военныхъ министерствъ лежатъ заготовленные декреты о привлеченіи въ войска, въ случаѣ мобилизаціи, соотвѣтственныхъ возрастныхъ классовъ «безподданной эмиграціи».

Это обстоятельство обязываетъ насъ прямо и открыто высказать свое отношеніе къ данному вопросу.

За право убѣжища, за право на трудъ, хотя мѣстами и очень ограниченное, мы обязаны лояльностью странамъ, насъ пріютившимъ. Но и только. Никто не въ правѣ требовать отъ насъ жертвы кровью нашихъ младшихъ братьевъ и дѣтей — во имя интересовъ, чуждыхъ Россіи. Никто не въ правѣ толкать насъ, — разсѣянныхъ по всѣмъ враждебнымъ другъ другу странамъ, — на возможное братоубійство. Пойдутъ тѣ, кто счелъ возможнымъ натурализироваться, — это ихъ обязанность. Пойдутъ добровольно мятущіяся души, искатели міровой правды и искатели приключеній — это ихъ дѣло. Но русская эмиграція въ цѣломъ, на чьей бы сторонѣ не были личныя симпатіи, не можетъ позволить себѣ расточительность, — участія въ распряхъ между чужими народами. Ибо кровь и жизнь наша нужны для освобожденія и строительства Россіи.

Въ чрезвычайно сложной обстановкѣ сегодняшняго и, въ особенности, завтрашняго дня, ко всѣмъ явленіямъ мы должны подходить не съ идеей русскаго мессіанства, не съ отвлеченными доктринами, не съ предвзятостью всякихъ «фильствъ» и «фобствъ», не съ личными симпатіями къ чужимъ вождямъ и режимамъ, къ демократіи или диктатурѣ, а съ единственнымъ мѣриломъ — реальныхъ и справедливыхъ интересовъ Россіи и русскаго народа. Этимъ мѣриломъ должно опредѣлять и тѣ водораздѣлы, которые отдѣляютъ друзей отъ враговъ, и тѣ грани, до которыхъ идти можно, а дальше нельзя.

Въ центрѣ европейскихъ событій стоитъ нынѣ гитлеровская Германія. То обстоятельство, что Гитлеръ повелъ рѣшительную борьбу противъ нѣмецкаго коммунизма, — явленіе положительное и въ русскомъ, и въ міровомъ масштабѣ. Уничтожая одинъ изъ очаговъ міровой заразы и указуя на полную возможность и сравнительную легкость уничтоженія и другихъ.

Но гитлеровская Германія, разбивая нѣмецкій коммунизмъ, не собирается пока трогать московскаго... «Борьба съ коммунистами въ Германіи, — говорилъ канцлеръ при открытіи рейхстага, — есть ея внутреннее дѣло... Что же касается СССР, правительство намѣрено слѣдовать въ отношеніи его дружественной политикѣ, выгодной для обѣихъ странъ». Выгодной!.. Заблужденіе — по отношенію къ Германіи и лицемѣріе — по отношенію къ Россіи.

Наконецъ, вопросъ о «восточной программѣ» націоналъ-соціалистовъ, — въ томъ видѣ, какъ она изложена въ книгѣ Гитлера «Моя борьба» и въ неоднократныхъ его заявленіяхъ... Забывать о ней мы не можемъ. Вѣдь эта книга, переизданная Гитлеромъ въ 1933 году въ количествѣ полумилліона экземпляровъ, не плодъ «прошлыхъ увлеченій», а программа завтрашняго дня, въ духѣ которой воспитывается нація. Вѣдь программа повторена была въ 1932-мъ году главнымъ руководителемъ внѣшней политики націоналъ-соціалистовъ Розенбергомъ въ его книгѣ, подъ заглавіемъ «Украина, какъ узелъ міровой политики». Повторена Розенбергомъ и въ его заявленіяхъ англійскимъ политическимъ дѣятелямъ и прессѣ, когда онъ ѣздилъ въ Лондонъ. Она подтверждена и начальникомъ восточнаго отдѣла гитлеровскаго штаба, Карломъ Моцемъ въ его извѣстномъ сообщеніи украинской газетѣ «Часъ». И многими другими, много разъ.

Сущность этой программы вкратцѣ такова:

1) Германскому народу нужна земля для колонизаціи въ самой Европѣ.

2) Это могло бы произойти только за счетъ Россіи.

3) Германію «интересуютъ» Финляндія, балтійскія республики, Украина, «казачьи государства», Кавказъ и Туркестанъ.

4) Послѣднія земли должны быть отторгнуты отъ Россіи, а большевизмъ «останется достояніемъ Великороссіи».

5) При этомъ гитлеровцы абсолютно отбрасываютъ понятіе «государства національностей», признаютъ своимъ идеаломъ только «національное государство» и считаютъ, что «германизировать можно лишь землю, а не людей»... Что-же станется съ людьми?..

Жестоко, но просто и ясно. Въ данномъ случаѣ, не требуется никакой интуиціи, не нужно ни гадать, ни заподазривать, нужно только умѣть читать и понимать прочитанное.

Недавно какой-то анонимъ — «лицо, занимающее одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ націоналъ-соціалистическомъ движеніи», — какъ его рекомендуетъ «Часовой», — заявилъ, будто бы, что за осуществленіе интервенціи противъ совѣтовъ нѣмцы желаютъ предоставленія имъ «инициативы хозяйственнаго возстановленія Россіи»... Вдумайтесь въ эту формулу. Въ ней слышится угроза безграничнымъ размахомъ экономическаго порабощенія. Дѣло идетъ уже не объ «Украинѣ» — отъ Риги до Ташкента — а обо всей Россіи. И одновременно, также въ октябрьскомъ номерѣ, органъ «Крестьянской Россіи» приводитъ слова другого анонима, столь же сановнаго гитлеровца, — болѣе лапидарное и болѣе ясное: «мнѣ непріятно вамъ говорить, а вамъ непріятно это слушать, но я буду откровененъ: Германіи совершенно необходимы для размѣщенія излишковъ ея населенія и для расширенія ея хозяйственной базы, восемь или десять губерній южной Россіи. Овладѣніе этой территоріей тѣмъ или инымъ способомъ, не исключая и войну, является непосредственной и первоочередной цѣлью нашей политики».

Когда начиналось зондированіе почвы гитлеровскими представителями въ Лондонѣ, когда велись переговоры между Варшавой и Берлиномъ, когда дѣлались попытки прямыхъ переговоровъ, минуя Женеву, между Берлиномъ и Парижемъ, — во всѣхъ этихъ случаяхъ, прямо или косвенно, возникаютъ тотчасъ же, и не случайно, разговоры о стабилизаціи на Западѣ и предоставленіи нѣмцамъ «свободныхъ рукъ» на Востокѣ, съ нѣкоторой компенсаціей Польшѣ... Такого рода попытки до сихъ поръ встрѣчали со стороны Франціи недовѣріе и опасеніе чрезмѣрнаго усиленія военной и экономической мощи Германіи. Опасеніе, что уст-

роивъ свои дѣла на Востокѣ, Германія повернетъ затѣмъ штыки на Западъ... Такъ было въ 1919 году, когда Клемансо, выдумавшій идею барьера, предохраняющаго Европу отъ большевизма, и способствовавшій созданію корпуса ф. деръ-Гольца, потребовалъ ликвидаціи его, когда послѣдній, послѣ взятія Риги, намѣревался продолжать движеніе на Сѣверъ... Такъ было въ 1921 году, когда сохранявшій еще былой авторитетъ ген. Людендорфъ предлагалъ предоставить Германіи «мандатъ на Россію», и французская пресса оказала рѣшительный отпоръ его «хитроумному политическому плану»... Такъ пока обстоитъ вопросъ и сейчасъ.

Но уже раздаются голоса противъ такой политики... Въ то время, какъ сенаторъ Готро, въ извѣстной своей рѣчи, такъ отчетливо поставилъ грань между Россіей и СССР, другой политикъ — Франсуа Коти недавно въ статьѣ своей въ газетѣ «Ами дю Пепль» съ исключительной злобой смѣшалъ совѣты съ Россіей и бросилъ по адресу ея: «Не слишкомъ ли дорого стоитъ намъ Россія? Она втянула насъ уже разъ въ войну. Она украла у насъ 300 милліардовъ. Она предала насъ въ Брестъ-Литовскѣ. Она подымаетъ коммунистическую революцію у насъ и въ нашихъ колоніяхъ». И, раздѣлавшись такъ съ исторіей, Коти обрушился на свое правительство за то, что оно заключило пакты «съ Россіей», вмѣсто того, чтобы идти рука объ руку съ Гитлеромъ, желающимъ направить экспансію «голоднаго и доведеннаго до отчаянія германскаго народа» въ сторону богатой Украины...

Когда враждуютъ и мирятся Франція съ Германіей, это, конечно, ихъ дѣло. Но если при этомъ въ той или другой формѣ встаетъ и русскій вопросъ, то это не можетъ не вызвать нашего глубочайшаго вниманія. И. встрѣчая иногда въ русской зарубежной печати горячую защиту прямыхъ соглашеній Берлина съ Парижемъ, невольно задаешь себѣ вопросъ: безкорыстный ли это пацифизмъ или сокровенныя надежды на спасительность «свободныхъ германскихъ рукъ», простирающихся къ Востоку?..

Въ отношеніи самаго дорогого и страшнаго — судебъ Россіи — мы должны быть единодушны:

«Восточная программа» можетъ осуществляться лишь злѣйшимъ врагомъ Россіи и русскаго народа.

5.

Столь же сложной въ русскомъ вопросѣ является роль японской экспансіи.

Мы знаемъ, что масштабы японскихъ-національныхъ и совѣтскихъ-интернаціональныхъ вождѣленій огромны. Но, независимо отъ конечныхъ цѣлей, пути и сроки ихъ осуществленія находятся въ полной зависимости отъ ряда причинъ: отъ тяжелаго внутренняго положенія обѣихъ странъ, отъ степени ихъ готовности, отъ напора коммунистической пропаганды, или, наоборотъ, совѣтской уступчивости, отъ степени давленія на японское правительство военной партіи, наконецъ, отъ общей международной обстановки и, въ частности, отъ соучастія и щедрости Америки. Америка впала въ заблужденіе, полагая что СССР не только можетъ замѣнить Россійскую имперію въ области возстановленія политическаго равновѣсія на Дальнемъ Востокѣ, но и станетъ тамъ на защиту американскихъ интересовъ. Какого рода тайное соглашеніе заключено было Литвиновымъ въ Вашингтонѣ, — достовѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ. Можно лишь указать, какъ представляется американская помощь совѣтамъ въ глазахъ японцевъ. Въ японскихъ газетахъ напечатано было содержаніе заключеннаго, яко бы, между С. Штатами и СССР секретнаго договора, сводящееся къ слѣдующимъ главнымъ обязательствамъ: 1) Америка оплачиваетъ расходы совѣтовъ на усиленіе вооруженій противъ Японіи и счета за постройку военныхъ судовъ, заказанныхъ ими въ Италіи. 2) Въ случаѣ войны между совѣтами и Японіей, Америка оказываетъ первымъ неограниченную помощь военными матеріалами, продовольствіемъ и деньгами. 3) Совѣты предоставляютъ Америкѣ концессіи и преимущественное право финансированія предпріятій на территоріи сов. Россіи.

Военной помощи совѣтамъ со стороны Америки японцы не предполагаютъ.

О причинахъ возможнаго столкновенія говорилось и писалось много. Пока обѣ стороны боятся перейти рубиконъ. Но поводовъ для столкновенія болѣе, чѣмъ достаточно. Обостренность отношеній на границѣ и чья либо провокація могутъ толкнуть на разрывъ даже и помимо воли центровъ.

Эта тревожная обстановка съ исключительной остротой поставила передъ нами вопросъ: если подымется Японія, то противъ

кого? Противъ совѣтовъ только, или противъ Россіи? Вопросъ, на который японскія власти не даютъ отвѣта, претендуя въ то же время не только на лойяльность русской эмиграціи въ Манчжуріи, но и на ея активное соучастіе.

Японская армія въ мирное время состоитъ изъ 17 пѣх. дивизій и 4 кав. бригадъ, въ общей сложности достигая 260 тыс. При мобилизаціи развернетъ 17 второочередныхъ бригадъ, а черезъ извѣстное время еще и бригады ополченскаго типа могущія освободить для переброски на материкъ большую часть войскъ первыхъ категорій. Часть этихъ силъ, и не малая, будетъ отвлечена для прикрытія со стороны Китая и для охраны манчжурскаго тыла.

Въ коренное измѣненіе плана войны 1931-го года, совѣтское командованіе сосредоточиваетъ нынѣ свои дальне-восточныя силы въ двухъ группахъ — въ Забайкальи и въ Приморской области. Обѣ группы имѣютъ, повидимому, активныя задачи, при чемъ въ Приморской собраны крупныя авіаціонныя средства. Кромѣ того, въ совѣтскомъ подчиненіи находится красная монгольская армія, насчитывающая не менѣе двухъ дивизій, по преимуществу конныхъ, снабженныхъ достаточно техникой и стоящихъ на операціонномъ направленіи Кяхта — Калганъ.

Принимая во вниманіе малую провозоспособность Сибирской и Амурской желѣзныхъ дорогъ и затруднительность, поэтому, подвоза и снабженія, — уже въ силу этихъ только причинъ, — по числу дивизій красная армія будетъ, повидимому, уступать японской. Послѣдняя, къ тому же, имѣетъ серьезное преимущество въ сравнительной близости основныхъ базъ и въ наличіи хорошо развитой сѣти желѣзныхъ дорогъ. Но въ количествѣ кавалеріи и въ степени снабженія войскъ пулеметами, орудіями и авіаціей — преимущество пока на сторонѣ красной арміи.

Въ своей статьѣ на тему «Современная стратегическо-политическая обстановка въ Китаѣ», ген. Головинъ начерталъ жуткія перспективы будущаго столкновенія на Дальнемъ Востокѣ... Въ случаѣ побѣды японцевъ, онъ предвидитъ — «изгнаніе большевиковъ изъ русскаго Дальняго Востока, созданіе изъ Приморья вассальнаго, а изъ Забайкалья буфернаго государства»... Эмиграціонный потокъ изъ Китая, заливающій русское Приморье и долину Амура... Созданіе огромнаго «Желтаго союза», включающаго Китай, Индокитай, Австралію, архипелаги Тихаго океана, быть можетъ, Индію, — подъ главенствомъ Японіи...

Въ случаѣ побѣды совѣтовъ, — торжество коммунизма на Востокѣ, созданіе Краснаго Азіатскаго союза изъ Россіи, Китая, Японіи, Индіи — съ населеніемъ болѣе. чѣмъ въ милліардъ...

Ген. Головинъ считаетъ, что Желтый союзъ менѣе опасенъ, такъ какъ «воспримѣтъ благотворныя начала европейской цивилизаціи», тогда какъ Красный союзъ «поведетъ непримиримую борьбу противъ нея, имѣя цѣлью поголовное уничтоженіе инакомыслящихъ». Можно съ увѣренностью сказать, что, въ случаѣ такой головокружительной побѣды желтой расы надъ бѣлой, отъ европейской культуры не осталось бы камня на камнѣ. И если красная напасть обратила бы Европу въ муравейникъ термитовъ, то желтая — въ рабовладѣльческую факторію. Оба исхода были бы одинаково трагичны и для судебъ Россіи. Ибо растерзанная страна наша, въ качествѣ авангарда Европы, устоять, конечно, не могла бы.

Надо думать, что такія задачи и непосильны современному поколѣнію. Что историческіе процессы вообще пойдутъ другими путями. И въ предѣлахъ обозримаго будущаго, борьба на Востокѣ локализируется и въ размѣрахъ, и въ результатахъ, не приведя къ конечному установленію въ міровомъ масштабѣ ни «краснаго», ни «желтаго» ига. Но русскому Дальнему Востоку грозитъ реальная опасность.

Необычайно сложная обстановка дѣлаетъ слишкомъ затруднительными прогнозы и о ближайшихъ результатахъ предстоящей борьбы. Но для насъ должно быть безспорнымъ одно положеніе: какъ бы ни сложилась обстановка, и въ отдаленной, и въ близкой перспективѣ,—прямой захватъ японцами Дальн. Востока, или та форма захвата, которую они примѣнили въ отношеніи Манчжуріи, былп бы тяжкимъ ударомъ не по совѣтамъ, а по Россіи.

6.

Что же, будетъ ли совѣтская власть защищать Россію?

Въ самой постановкѣ такого вопроса кро-

ется большое недоразумѣніе. СССР является наиболѣе милитаристической страной въ мірѣ; онъ несетъ совершенно непосильные расходы на вооруженіе; онъ непрестанно готовитъ красную армію. Совѣтская власть открыто говоритъ и объ ея предназначеніи. Но это — не защита русскихъ рубежей, не защита родныхъ очаговъ. «Красная армія есть армія международнаго пролетаріата», — гласитъ уставъ, и конечная цѣль ея — «борьба за міровую революцію и торжество коммунизма». Совѣтская власть въ этихъ видахъ не прочь отъ приращенія территоріи и не пожелаетъ, конечно, отдавать никому россійскія области. Но продастъ и предастъ ихъ въ любой моментъ, если это понадобится для собственнаго спасенія или въ интересахъ правящей партіи. Для нихъ, это — только вопросъ тактики. Представьте себѣ такое сопоставленіе: если бы въ 1917 году Вильгельмъ предложилъ императору Николаю II для спасенія династіи открыть фронтъ нѣмцамъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что императоръ съ негодованіемъ отвергъ бы такое предложеніе. Если въ случаѣ военной неудачи, угрожающей паденіемъ совѣтской власти, противникъ предложитъ ей спасительный выходъ цѣною разграбленія Россіи, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что большевики примутъ это предложеніе, какъ это было уже въ дни Брестъ-Литовска.

Странно, поэтому, звучитъ признаніе за совѣтами въ какомъ-то сложномъ аспектѣ и хотя бы въ самой малой долѣ — національнаго самосознанія и россійскаго патріотизма. Эти цѣнности, хранимыя еще низами, совѣтчина эксплоатировала только обманомъ для своихъ надобностей. Такъ, въ 1918 году, когда власть большевиковъ висѣла на волоскѣ, они возбуждали патріотизмъ «эстонскій», «литовскій», «латышскій» — въ національныхъ частяхъ, наступавшихъ въ Прибалтику. Въ 1918 году они кричали объ «украинскомъ» патріотизмѣ «повстанческимъ» дивизіямъ Антонова-Овсѣенки, шедшимъ на Кіевъ... Они вспомнили даже о русскомъ національномъ чувствѣ въ 1920 году, когда польская петля сдавила имъ шею. Но опасность прошла, и нашу святыню они бросили въ мусоръ. «Вопіющій вздоръ и клевета на коммунистическую партію, — говорила резолюція московской партконференціи, — обвиненіе ея въ національной ограниченности». Бросили и поиздѣвались еще надъ тѣми, которые въ наивной вѣрѣ примкнули къ нимъ: «смѣновѣховскій россійскій моментъ, — говорилъ на конференціи Бухаринъ, — въ свое время, въ опредѣленный моментъ нашего развитія, служилъ мостикомъ для «примиренія» съ совѣтской властью части саботировавшей прежде буржуазной интеллигенціи. Смѣновѣховцы считали положительнымъ факторомъ, — смѣялся Бухаринъ, — то, что большевики «собирали Россію» на манеръ Ивана Калиты. Теперь эта стадія миновала, и съ «національнымъ» надо покончить».

Что же, теперь, когда грянетъ громъ, и большевистскіе правители вновь «перекинутъ мостикъ», имъ снова повѣрятъ? И тамъ, и здѣсь?

Второй вопросъ, стоящій передъ нами, можетъ ли красная армія защищать Россію?

Конечно, можетъ. Но... при непремѣнномъ условіи — сбросить коммунистическую власть. Ибо внѣ этого условія, среди трагическихъ противорѣчій русской жизни, и побѣда, и пораженіе красной арміи въ той или другой формѣ могутъ способствовать къ вящшему удушенію русскаго народа.

Какъ выводъ изъ всего сказаннаго, я позволю себѣ повторить тѣ положенія, которыя были высказаны мною давно, повторены полтора года тому назадъ на собраніи въ разгаръ споровъ объ интервенціи и которыя я считаю непреложными и нынѣ.

Въ случаѣ вторженія иностранной арміи въ предѣлы Россіи, съ цѣлью захвата русской территоріи, участіе наше на сторонѣ вторгшихся недопустимо. Точно такъ же, даже и въ этомъ случаѣ, для насъ невозможна защита родины прямымъ участіемъ въ дѣйствіяхъ той арміи, которая называется нынѣ красной, доколѣ она не сброситъ съ себя власть коммунистической партіи.

Никакихъ буферовъ! Придутъ, возьмутъ все, что надо, и помирятся съ совѣтами.

Только такое иностранное вмѣшательство и наше ему содѣйствіе пріемлемо, когда съ занятіемъ перваго клочка освобожденной русской земли и до послѣдняго надъ ними будетъ поднятъ русскій флагъ. Только такая незатуманенная идея можетъ зажечь наши сердца, только она можетъ привлечь къ себѣ сочувствіе за красной чертой и не

вызоветъ въ народѣ подозрѣній въ захватныхъ стремленіяхъ иностранцевъ.

Наконецъ, если вооруженный русскій народъ сочтетъ начало мобилизаціи и войны сигналомъ для возстанія, наше дѣло — поборовъ всѣ препятствія и преграды, быть съ народомъ.

Что за странное время мы переживаемъ! Вѣдь еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ сама постановка вопроса о томъ, можно или нельзя расчленять Россію, была бы просто немыслима на собраніяхъ россійскихъ людей. Вѣдь тотъ же самый Ю. Ф. Семеновъ, напримѣръ, который сегодня допускаетъ сверженіе коммунизма «какой угодно цѣной», въ дни закавказскаго сейма горячо, убѣжденно, съ патріотическимъ подъемомъ ратовалъ противъ отдѣленія Закавказья отъ Россіи... Какое безнадежное отчаяніе привело русскихъ людей, взыскующихъ родины, къ пріятію раздѣла Россіи, какъ средства ея спасенія...

Пусть не говорятъ, что «событія отъ насъ не зависятъ, и насъ никто не спроситъ», что нашъ эмигрантскій голосъ не имѣетъ никакого значенія въ мірѣ правящихъ. Да, нашъ голосъ встрѣчаетъ часто глухую, непроницаемую стѣну когда идетъ рѣчь о попранной правдѣ, о забытыхъ основахъ морали, о русскомъ несчастьи. Но онъ подхватывается и охотно используется, когда созвученъ **интересамъ**.

Вспомните недавній трюкъ харбинской японской газеты на русскомъ языкѣ, мобилизовавшей въ полдня «русское общественное мнѣніе» противъ выступленія П. Н. Милюкова въ той именно части его, гдѣ онъ становился на защиту Дальняго Востока отъ возможнаго захвата, — выступленія, имѣвшаго, къ тому же, мѣсто полтора года тому назадъ. Наряду съ этимъ, харбинскій японскій офиціозъ приводитъ, между прочимъ, и планъ самихъ, яко бы, совѣтовъ — обратить Дальній Востокъ въ буферное государство, по существу, въ американскую факторію. Газета скорбитъ лицемѣрно о предстоящей участи закабаленнаго американскимъ капиталомъ русскаго народа и попутно замѣшиваетъ облыжно въ эту комбинацію мое имя. Значитъ, отношеніе со стороны русской эмиграціи не безразлично японцамъ, если они съ такой настойчивостью вербуютъ себѣ попутчиковъ. Значитъ, намѣренія японцевъ не столь безкорыстны, если они считаютъ нужнымъ примѣнять чисто большевистскіе пріемы провокаціи въ отношеніи меня, напримѣръ, зная, что я — сторонникъ **помощи** Россіи, откуда бы она ни пришла, и возстаю только всемѣрно противъ ея **раздѣла**.

Въ прошломъ мы найдемъ попытки и болѣе серьезныя — въ государственномъ масштабѣ...

Въ 1919 году, когда англійскій представитель склонялъ министра-президента Румыніи Братіану къ перемѣнѣ отношенія къ вооруженнымъ силамъ Юга Россіи, Братіану сказалъ:

— Мы готовы оказать содѣйствіе арміямъ ген. Деникина, но только подъ условіемъ, чтобы онъ подписалъ актъ отреченія отъ Бессарабіи.

Англійскій представитель выразилъ удивленіе — какое юридическое значеніе можетъ имѣть подпись ген. Деникина подъ актомъ, касающимся всей Россійской державы...

— Не безпокойтесь, — отвѣтилъ, улыбаясь, Братіано, — мы сумѣемъ имъ воспользоваться.

Въ то время мирная конференція не рѣшалась еще на расчлененіе Россіи, и всякій новый вексель могъ быть съ успѣхомъ использованъ на міровой политической биржѣ. Этого векселя я не подписалъ, считая такое дѣйствіе преступнымъ. Оно, какъ выяснилось впослѣдствіи, не принесло бы и практическихъ результатовъ даже въ локальныхъ интересахъ противобольшевистской борьбы Юга.

На міровой биржѣ спросъ вызываетъ предложеніе. Есть покупатели, находятся и продавцы. И не опасны сами по себѣ всѣ эти Скоропадскіе, Коновальцы, Левицкіе, Бермонты, кавказскіе сепаратисты, харбинскіе оппортунисты, всѣ эти «вожди» и «вождики», а то, что они создаютъ благовидное прикрытіе для внѣшнихъ силъ — серьезныхъ и враждебныхъ. Тѣмъ болѣе, что совѣтская власть — не будемъ закрывать глаза — и своей отвратностью, и своей политикой — углубила существовавшіе и безъ того мѣстные націонализмы, создавъ благопріятную почву для центробѣжныхъ устремленій.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ наше непротивленіе, наше попустительство, а тѣмъ болѣе сотрудничество, **недопустимы**.

Да и гдѣ же, наконецъ, въ зарубежьи тѣ арбитры, которые морально правомочны выбрать «покупателя», назначить «цѣну» и опредѣлить тѣ предѣлы, до которыхъ можетъ дойти «соглашательство»? Ибо, если развязать руки всѣмъ «спасающимъ», то отъ сложенія химерическихъ притязаній на «безпризорное русское наслѣдство» останется предоставленной собственной участи одна только Великороссія. Откуда берется увѣренность, что интервенты захотятъ упразднить и въ ней совѣтскую власть, — для того, очевидно, чтобы новая, національная, на другой же день начала если не явную, то тайную борьбу противъ нихъ, — а не постараются поддержать большевистскій режимъ — для догниванія остатковъ русской мощи и культуры. И откуда тогда возьметъ силъ обезкровленная, разоренная, запертая наглухо со всѣхъ сторонъ Великороссія... «Великороссія»... — какъ трагически звучало бы тогда это имя! — для того, чтобы стряхнуть съ себя большевистское иго, возстановить экономическое благосостояніе и приступить съ оружіемъ въ рукахъ къ собиранію Имперіи...

7.

На послѣднемъ открытомъ своемъ докладѣ П. Н. Милюковъ, цитируя вопросъ Е. В. Саблина, — «какъ ускорить паденіе коммунистической власти надъ Россіей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не подвергнуть ее расчлененію», — сказалъ:

— Эмиграція почти безсильна помочь спасенію Россіи, но повредить ему можетъ.

Самымъ категорическимъ образомъ возражаю противъ первой половины этой формулы. Россійская эмиграція безсильна? Эмиграція, вмѣстѣ съ невольными меньшинствами превышающая два милліона, обладающая богатыми интеллектуальными силами на всѣхъ поприщахъ человѣческаго труда и знанія, сохранившая въ обстановкѣ, поистинѣ, тяжкой не мало элементовъ, способныхъ на подвигъ и жертву, такая эмиграція не можетъ быть безсильной. Вспомнимъ, какую роль сыграла нѣкогда польская эмиграція въ дѣлѣ возстановленія общественнаго мнѣнія Запада противъ Россіи... Какъ длиннымъ рядомъ лѣтъ малочисленная первая русская эмиграція, запосившая на Западъ свою правду и неправду о Россіи, подготовила отрицательное отношеніе общества къ противобольшевистскому движенію и гибельную для насъ политику державъ Согласія въ рѣшительные годы 1918 - 1919... Вспомнимъ роль польской и чешской эмиграціи въ странахъ Согласія въ годы великой войны, — правда, въ условіяхъ неизмѣримо болѣе благопріятныхъ, чѣмъ наши, и притомъ въ рамкахъ чисто національнаго движенія. Но и наша эмиграція... Само существованіе двухъ милліоновъ людей, разсѣянныхъ по всему міру, входящихъ въ жизнь, быть, литературу, печать странъ разсѣянія, — людей, вносящихъ во всѣ поры интеллектуальной жизни свою ненависть къ большевизму и большевикамъ, — одно это имѣетъ огромное значеніе. И эта именно подрывная роль эмиграціи, не устранимая никакими пактами, никакими декретами, вызываетъ безсильную ярость совѣтской власти.

Эмиграція можетъ и должна вести борьбу.

И если результаты эмигрантской работы недостаточны, то происходитъ это не только въ силу необыкновенно трудныхъ условій, но и отъ причинъ, отъ насъ зависящихъ: нашей розни, неумѣнію однихъ и нежеланію другихъ.

Необходимо, однако, оговориться. Когда рѣчь идетъ объ эмигрантской массѣ, то просто по природѣ своей она, дѣйствительно, ограничена въ возможностяхъ активной дѣятельности. И если рядовой русскій эмигрантъ въ душѣ своей не похоронилъ Россію, а сохраняетъ вѣру въ нее и готовность служить ей; если онъ поддерживаетъ эти чувства въ колеблющихся и воспитываетъ въ нихъ свою «смѣну»; если вполнѣ законныя заботы о существованіи своемъ и своей семьи не поглотили его цѣликомъ; если онъ сѣетъ ненависть къ большевикамъ среди соприкасающихся съ нимъ иностранцевъ; словомъ, если онъ не приступилъ къ демобилизаціи идеи борьбы, демобилизаціи своей воли и надеждъ, — совѣсть его должна быть спокойна, и никто не въ правѣ упрекнуть его.

Другое дѣло — верхи эмиграціи, выдвигаемые потенціальной силой массы, поддерживаемые ея довѣріемъ. Ихъ дѣятельность шире, ихъ моральная отвѣтственность неизмѣримо больше. Въ партіяхъ, организаціяхъ, союзахъ, «группахъ» должна идти работа и подготовка. Характеръ этой работы

извѣстенъ, онъ вынесенъ изъ опыта всѣхъ временъ и всѣхъ революцій, и дѣло только въ темпѣ, въ энергіи, въ прозорливости ведущихъ и, конечно, въ средствахъ.

Первое — пропаганда, о которой я говорилъ уже. Всей силѣ государственнаго аппарата и милліонамъ денегъ, растрачиваемымъ большевиками на агитацію и разложеніе, мы можемъ противопоставить лишь ограниченныя бѣженскія средства, но за то — вѣру, искренность и громадную текучесть эмигрантской мысли и слова. И это не мало. Но результаты были бы гораздо серьезнѣе, если бы не наша буйная рознь на политической почвѣ. О флангахъ и говорить нечего. На одномъ — главнымъ аргументомъ въ политическихъ спорахъ служитъ словесное заушеніе всѣхъ инакомыслящихъ и «филькины грамоты», на другомъ — инакомыслящихъ «ставятъ къ позорному столбу». Нельзя было безъ возмущенія читать, какъ г. Ною Жорданія пришлось оправдываться передъ меньшевиками въ томъ, — имѣлъ ли онъ право присутствовать на панихидѣ по ген. Юденичѣ, который, какъ извѣстно, стойко защищалъ отъ турецкаго нашествія не только Россію вообще, но и грузинскія земли. Какъ тѣ же блюстители соціализма поносили нѣкогда республиканскихъ демократовъ и соц.-революціонеровъ за присутствіе на панихидѣ по кн. Павлѣ Долгорукомъ и 20-ти вмѣстѣ съ нимъ умученныхъ большевиками русскихъ людей... «Передъ нами, — писали они, — прошла позорная картина братанья «демократовъ» съ палачами — въ протестѣ противъ палачей». Что же послѣ этого удивляться французскому ученому и «русовѣду» Олару, который по поводу безсудныхъ казней тысячъ и тысячъ людей говорилъ:

— Да, это напоминаетъ худшія времена царизма...

Конечно, это крайности. Но и въ центральныхъ группировкахъ неблагополучно. И если бы какой либо добросовѣстный иностранецъ захотѣлъ составить себѣ понятіе о русскихъ политическихъ организаціяхъ за рубежомъ по тѣмъ характеристикамъ, которыя онѣ даютъ другъ другу въ печати, то получилось бы вотъ что: ни патріотизма, ни государственности, ни просто здраваго смысла. И, вообще, никого въ Россію не пустятъ.

Однако, было бы весьма полезно для русскаго дѣла, если бы политическія организаціи заключили между собой не союзъ — для этого нѣтъ пока необходимыхъ предпосылокъ, но, по крайней мѣрѣ... пактъ о ненападеніи.

Второе — связь съ внутри-россійскими національными элементами — для взаимнаго освѣдомленія, организаціи и помощи. Мы знаемъ очень много изъ области жизни, быта, «достиженій» и проваловъ — на той сторонѣ, даже не разъ и «дворцовыя тайны» Кремля. Мы знаемъ хорошо и негативныя отраженія внутри-россійскихъ настроеній — кого и чего боятся, кого и за что ненавидятъ. Но мы чрезвычайно мало знаемъ о положительныхъ чаяніяхъ русскаго народа. Конечно, въ странѣ, гдѣ задушены слово и мысль, гдѣ каждый пятый человѣкъ — невольный сексотъ, гдѣ даже въ собственной семьѣ страшно быть откровеннымъ, проявленіе общественнаго мнѣнія поставлено въ исключительно трудныя условія. Но и при этихъ условіяхъ надо бы знать больше. Можно и нужно нести отсюда въ Россію революціонные лозунги и программы, но, если они не учитываютъ происшедшихъ сдвиговъ въ сознаніи и настроеніяхъ подневольнаго русскаго народа, то грошъ имъ цѣна.

Такъ же неудовлетворительно освѣдомленіе даже о массовыхъ явленіяхъ. Не взирая на покрытіе Россіи сѣтью своихъ ячеекъ, — такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ рядъ организацій, — мы и до сихъ поръ не знаемъ, напримѣръ, толкомъ о дѣйствительныхъ размѣрахъ кубанскихъ и сибирскихъ событій... И не опоздаемъ ли мы при такихъ условіяхъ со своими лозунгами и кадрами, со своей помощью и организаціей, — тогда, когда начнется движеніе, дѣйствительно имѣющее шансы на успѣхъ.

Третье — проникновеніе въ совѣтскую Россію для работы тамъ. Объ этомъ чрезвычайно важномъ дѣлѣ распространяться не приходится. Скажу лишь одно: до сихъ поръ мы видѣли много высокаго героизма и мало результатовъ. Что же? Признавъ превосходство въ подпольной работѣ за ГПУ, сложить оружіе и предоставить все судьбѣ? Отнюдь! Нѣтъ трудностей непреоборимыхъ. Необходимо только, какъ видно, пересмотрѣть все, снизу до верху: организаціонную систему, цѣли, задачи, методы и пути свершенія.

И, наконецъ, четвертое — вопросъ о массовомъ участіи въ борьбѣ. «Сегодня» не даетъ никакихъ возможностей, но «завтра» можетъ ихъ открыть, — будь то война, иноземное нашествіе на Россію, возстаніе красной арміи или подсовѣтскаго народа. Неопредѣленность положенія и неизвѣстность временъ и сроковъ не могутъ оправдать наше равнодушное, иногда ироническое отношеніе къ этому вопросу. Ибо, хотимъ мы или не хотимъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ прійти въ движеніе часть, — не будемъ себя обманывать, только часть, — эмиграціи, если не организованно, но самотекомъ. Ибо сейчасъ уже, сегодня требуются ясные и категорическіе отвѣты на рядъ вопросовъ. Мы знаемъ, какое смущеніе среди легковѣрныхъ нашихъ соотечественниковъ внесли досужіе слухи о томъ, что у Гитлера формируется русскій отрядъ, что тамъ даютъ форму, паекъ и работу... Мы знаемъ, что въ Манчжуріи назрѣваютъ соблазны болѣе реальные.

Въ этой области необходима серьезнѣйшая работа. И чисто идейная — для удержанія мятущихся и сбитыхъ съ толку людей въ руслѣ государственныхъ интересовъ національной Россіи... И техническая — для подготовки, впослѣдствіи для использованія, тѣхъ путей активной борьбы, которые проложатъ россійскія событія, и, если не міровая совѣсть, то **міровая конкуренція.**

Вотъ, въ общихъ чертахъ, допускаемыхъ публичностью собранія, тѣ области, въ которыхъ, по моему убѣжденію, можетъ и должна работать эмиграція. Ищите другихъ средствъ, ищите другихъ путей, но только не молчаніе и бездѣйствіе, таящія симптомы разложенія и смерти.

То же можно сказать и о внутренней Россіи. Въ случаѣ иноземнаго нашествія, «воткнуть штыки въ землю» — было бы самымъ ужаснымъ рѣшеніемъ вопроса. Такой случай, вѣдь, имѣлъ уже мѣсто въ началѣ 1918 года. Онъ не остановилъ германскихъ армій, вторгнувшихся глубоко въ предѣлы Россіи и брестъ-литовскимъ миромъ набросившихъ на нее ярмо политическаго и экономическаго рабства. Какой же еще новый «Брестъ-Литовскъ» готовитъ намъ война и **пораженіе!** Какіе новые узоры станутъ выкраивать побѣдители по живому тѣлу нашей родины!

Эти вопросы не могутъ не тревожить и насъ, и тѣхъ русскихъ подсовѣтскихъ людей, которые не утратили національнаго самосознанія, не вытравили изъ ума и сердца завѣтнаго имени Россіи.

И вотъ, передъ тѣми изъ нихъ, кому суждено судьбою быть вынесенными на гребень волны, въ силу создавшагося внутренняго и международнаго положенія Россіи, встаетъ огромная и небывало трудная задача:

Не «втыкать штыки въ землю», а, сбросивъ штыками власть поработителей внутреннихъ, повернуть остріе ихъ противъ поработителей внѣшнихъ.

Только при этихъ условіяхъ русскій народъ съ наименьшими жертвами и въ кратчайшій срокъ добудетъ свободу и миръ.

А. Деникинъ.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

D443
.D455

EDITIONS ET IMPRIMERIE RAPIDE DE LA PRESSE
4 et 5, Rue Saulnier, PARIS 9e